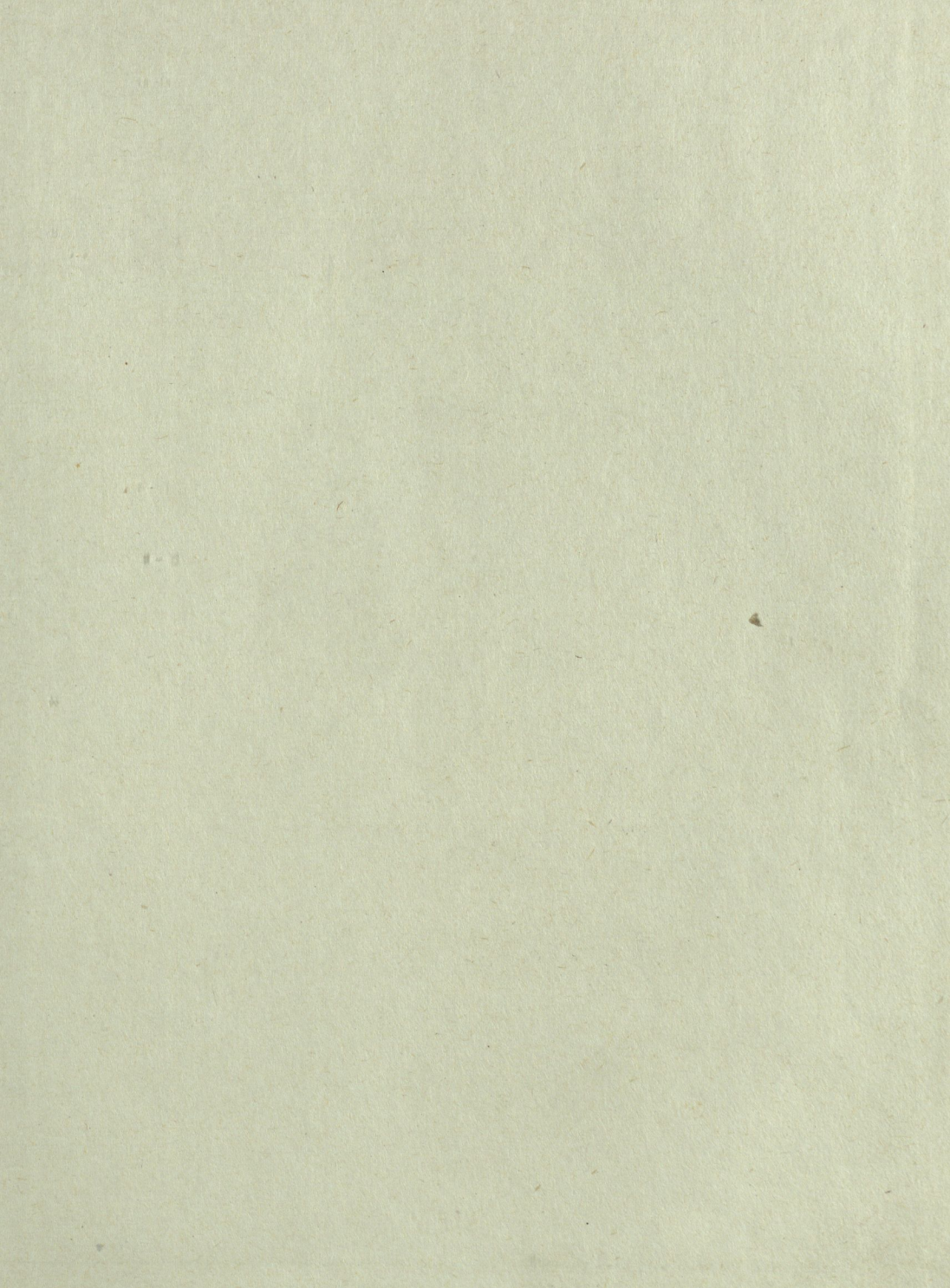

КОНСТАНТИН
ИВАНОВ

Нарспи

ЧЕБОКСАРЫ — 1968

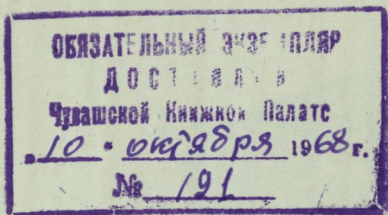

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

Нарспи

ПОЭМА

ХУДОЖНИК П. В. СИЗОВ
ПЕРЕВОД С ЧУВАШСКОГО
П. П. ХУЗАНГАЯ

В СЕЛЕ СИЛЬБИ

Месяц март к концу подходит,
Смотрит солнышко нежней.
И в Сильби, селе чувашском,
Начал таять снег дружной.
Почернели косогоры;
Под живительным огнем
На холмах трава густая
Пробивается кругом.
Плача, вдаль зима уходит,
Хоть была люта, грозна;
И холодные льет слезы
О прошедших днях она.
По оврагам, по ложбинам
Вешних вод журчат ручьи.
Но у солнца, как ни плачь ты,
Все знойней, знойней лучи...
Слезы зимние уплыли
В мутной речке подо льдом.
Вдоль по улице ребята
Побежали босиком.

Наступила всем на радость
Благодатная весна.
Горячо лаская, солнце
Будит землю ото сна.
Ожил темный лес, зеленой
Покрывается листвою.
Степь вдали зазеленела
И гордится красотой.
Ароматом нежным, сладким
Вешний воздух напоен.
Всюду птицы распевают,
И приятный всюду звон.
Слышны жаворонка трели
В поднебесной синеве.
Бойко прыгают ягнята
На шелковой мураве.
Пастушонок на свирели
Ладит песенки в степи;
Ждет обеда он и часто
Смотрит в сторону Сильби.

А живут в Сильби богато:
Не один там встретишь дом —
Под прохладой старых ветел —
Наподобие хором.
Вкруг села — плетень добротный,
За плетнем полны скирдов
И копен давнишних гумна,
Да бахчи полны плодов.
Вдоль по улице по главной —
Тесом крытые дворы;
И садов больших, тенистых
Пораскинулись шатры.

А вокруг домов — заборы
Крепостной стоят стеной;
И у каждого — ворота
С разузоренной резьбой.
Велико Сильби, за город
Можно издали принять.
Видно, знают здесь чуваши,
Как богатство наживать.

Близ села шумливо, быстро
Речка резвая бежит.
Солнце, словно вышивая,
По воде лучом скользит.
Синеву небес колышет
Зыбь, прозрачна и светла.
На себя любясь, смотрит
В заводь старая ветла.
На мосту сидит дощатом
Рыболов-старик с крючком
И проворных рыбок хочет
Обмануть он червячком.
Чуть подальше ребятишки
Юрко плавают в воде.
Молча смотрит, хмурия брови,
На проказы малых дед.
Переходит речку путник,
Пробирается мостом,
Вышел на берег и тут же
Скрылся он в лесу густом.

На Сильби весною глянешь —
Скажешь: вот где сущий рай!
Незаметно дни проходят,

Радость жизни — через край.
Гомон птиц, радушный говор,
Ясный смех звенит вокруг.
И весенние напевы
Вдаль летят, лаская слух.
Сановито ходят люди
Вдоль по улицам; с утра
Целый день шумит, играет
В переулках детвора.
Мерно шествуют девицы,
Словно лебеди плывут;
Привлекают взор монасты,
Звоном ласковым зовут.
У ворот танцуют парни,
Гром и стук — земля дрожит.
Хорошо в Сильби, прекрасно,
Там бы стоило пожить!

Нет сильнее человека
Во вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего.
Но владыка мира, миру
Человек покорен сам,
Светлый разум омрачает
Страсть его к вину, деньгам.
Кто не чтил великий калам¹,
Кто в дни калама не пил?!
В погребах глубоких мало ль
Пива каждый нацедил?!
Да, и пили мы, и ели,
И плясали чередой.
А без этого ты как же

Справить хочешь праздник свой?
Догорает день. На воле
Хмель бушует там и сям.
Все слышней в лесу под вечер
Эхо вторит голосам.

Вот в конце концов, уж к ночи,
Устает чуваш хмельной.
Грязь весенняя — периной,
Так и манит на покой.
И лежит чуваш, как барин,
Где он, что он — нет забот;
Громко песню распевает,
На всю улицу орет:
«Хочешь есть — так поработай,
Хочешь пить — так попотей!
Честный труженик от чарки
Не откажется, ей-ей.
Чередой работать будем,
Чередой пиры начнем;
Если дома не найдется,
Так к соседу забредем.
У соседа нет хмельного, —
Так уйрану² мы попьем;
Коль не будет и уйрана, —
Что даст бог, мы подождем».

Миновал беспечный калам,
Время к севу подошло.
Но чуваш не отрезвился —
Время хмеля тяжело.
Эй, вы, пьяные чуваша,
Встаньте на ноги, пора!

Ведь вода пошла на убыль,
Зеленеет вновь гора.
Эй, родные, поднимайтесь!
Посмотрите по углам:
Надо плуг наладить к пашне,
Починить телегу вам.
Освежись водой холодной,
Чтоб румянец заиграл;
Да плотней ты пообедай,
Чтобы к пашне сил набрал.
Время выехать и в поле,
Ну-ка, братец, запрягай.
Дай здоровье, боже добрый,
И богатый урожай!

КРАСНАЯ ДЕВИЦА

Одуванчик ярко-желтый
Средь травы цветет в степи.
А в Сильби растет девица
С редким именем Нарспи.
На лицо она прекрасна,
Как цветочек полевой.
Очи — черные агаты —
Блещут силой огневой.
Вьется локон своевольный,
От косы спускаясь вниз.
В лад с походкою девичьей
Раздается звон монист.
Лишь окинет парня взором —
Затрепещет сердце в нем;
Улыбнется — переполнит
Душу негой и теплом.
Кто приветливо не взглянет
На цветок родных полей?
Кто, красавицу увидев,
Не вздохнет потом по ней?

Только сядет солнце — время
К хороводу выйти ей;
Вмиг умоется, повесит
Шельгеме ³ на грудь скорей;
На плечо накинёт звонкий
Свой теветь ⁴ одним броском;
Лоб по-девичьи повяжет
Алым шелковым платком.
Запоет ли в хороводе —
Будто пташка-соловей;
Захохочет — всякий скажет:
Нет девицы здоровей!
Этот голос всех пленяет,
В играх слышен он всегда...
Занялась заря, улыбку
Шлет последняя звезда.
И Нарспи в родимом доме
Безмятежно, мирно спит.
Сон ей снится легкий, светлый,
Радость, счастье он сулит.

А с утра Нарспи в работе,
Все спорится, что ни взять:
Или с песней ярким шелком
Начинает вышивать;
Иль берется шить и бойко
Мелким бисером строчит,—
Пес стальной с хвостом кудельным ⁵
То нырнет, то вверх взлетит;
Иль засядет ткать и ловко
Заиграет челноком;
Иль — за скальницу, и цевку
Намотает мигом с холм;

Иль, когда на лавке кошка
Станет лапкой рыльце мыть,—
Ждет гостей она желанных,
Стол большой спешит накрыть...
Хорошо жила девица
До положенных годов,
До поры, пока в дом отчий
Не прислал жених сватов.

Нет богаче Мигедера
По окрестности по всей;
Дочь он любит и гордится
Красотой Нарспи своей:
«Кто имеет дочь такую?
Где такая рождена?
Башмаков ли нет у дочки,
Ходит без монист она?
Нет, таких девиц вовеки
Не видать селу Сильби!
Никакой чуваш не сможет
Холить дочь, как я Нарспи!
В чем нужда у Мигедера?
Кто в округе мне под стать?
В коробах просторных мало ль
Серебра, сукна, холста?
В закромах зерна — до крыши,
Не один такой амбар!
Масла, сыру, пива, меду
Не полны ли погреба?»

В верном слове нет обмана;
В чем нужда у старика?
Он богаче всех, деревне

Не тягаться с ним никак.
Двор — не двор, а город — может
Заблудиться человек.
На его взлететь сарай
Не удастся птице ввек.
Полон двор вещей, и горы
Разной утвари кругом.
Закрома в больших амбарах
До краев полны зерном.
Кони — чисто ургамахи ⁶,
Золотой овес жуют.
А коровы — словно бочки,
Да баранов целый гурт.
Далеко из Туригаса ⁷
Виден всем высокий дом.
Нет, не зря старик почтенный
Похваляется добром.

После масляной недели,
Нежно дочь свою любя,
Мигедер ее просватал,
Сделав сговор у себя.
С нетерпеньем ожидает
Свадьбу пышную народ:
— Два роднятся богатея,
Вот польется пиво-мед!
— Ах, когда синьзе ⁸ настанет?
Как нам время скоротать?
Далеко ль веселый симек ⁹?
Как до этого нам ждать?..
А в дому у Мигедера,
Предвкушая свадьбы пыл,

Шьют приданое невесте,
Выбиваются из сил.
Но Нарспи боится свадьбы,
И, с собой наедине,
Имя милого Сетнера
Шепчет, плача в тишине.

На задворках, на отшибе,
Есть в селе избушка; в ней
Молодой Сетнер ютится
Вместе с матерью своей.
У красавца у Сетнера
Конь есть, славный ургамах,
Да с горячей кровью сердце,
Да еще старуха-мать,

.
Пара рук могучих есть,
Да врагу на гибель — ярость,
Если враг затронет честь.
Это все, что он имеет,
Все богатство бедняка.
Мигедер же дочь не выдаст
За неравного никак!
А Нарспи Сетнера любит,
Потому о свадьбы дне
С грустью думает невеста
И вздыхает в тишине.

У ручья высокий желоб
Под развесистой ветлой.
Каждый день Нарспи-девицу
Ждет Сетнер там молодой.
В ожидании он поит

Ургамаха своего.
По утрам Нарспи приходит
За водою ключевой.
С парой ведер говорливых
Как покажется она —
Затрепещет грудь у парня,
Светлой радости полна.
Улыбается с тропинки
Нежногубая Нарспи.
А Сетнер стоит, сияет,
Весь от счастья кипит.
Очи огненные пылко
На красавицу глядят,
И уста под первым пухом
Слово ласки ей дарят.

ВЕЧЕР ПЕРЕД СИМЕКОМ

Звонко с желоба струится
Родниковая вода,
Серебром блестит на солнце
И сегодня, как всегда.
Воду черпает девица,
На тухье ¹⁰ коралл горит.
Скакуна поя, красавец
Речь заводит, говорит.
На ветле высокой пташка
Песней тешится своей.
А у молодца выходит
Что ни слово, то грустней:
«Неужель, Нарспи, несчастье
На меня теперь найдет?
Неужель тебя постылый
На чужбину увезет?
Ах, уж нет мне, видно, доли.
Твой родитель — богатей;
И, кичась добром, он бедных
Не считает за людей».

— Не ропщи, Сетнер, напрасно,
На людей зачем роптать?
От родителей богатых
Мне куда же убежать?
Старики, а неразумны,
Как мне их уговорить?
Что нам делать, ты подумай,
Как теперь с тобой нам быть?
Лишь зайдет сегодня солнце,
Покрывало ¹¹ мне дадут:
С хужалгинским богатеем
Свадьбу шумную начнут.
Говорят, враг слишком грозен,
Как же быть в такой беде?
Ах, Сетнер, Сетнер, скажи ты:
Как спастись мне? Скрыться где?
Всей душой тебя любила
И жила одним тобой.
Все же, юная, я вижу
День печали пред собой.

«Голова есть удалая,
Конь есть, славный ургамах,
Есть с горячей кровью сердце
Да еще старуха-мать;
Есть, что мне всего дороже:
Ты, кого я ждал, любя.
Но и враг есть кровный, ныне
Умыкающий тебя.
Погубить врага я смог бы —
Есть могучих пара рук.
Но, когда его погубишь,
Есть страшней: мир зла и мук.

Коль сама б ты пожелала,
Посадил бы на коня —
И умчал бы конь ретивый
Далеко с тобой меня...»
— Ой, Сетнер, ступай скорее!
За водой идут сюда...
Век бы с милым говорила,
Не рассталась никогда...

«Так прощай, Нарспи, и помни
О несчастном обо мне!»
Конь отпрянул и стрелою
Полетел по крутизне.
А Нарспи смотрела, стоя,
Долго вслед ему с тоской
И не сдвинулась, покуда
Друг не скрылся за горой:
«Ах, прощай, прощай, тебя ли
Позабуду, милый мой?
Как с постылым жить я буду,
Разлученная с тобой?»
Подошла к ручью соседка:
«Что горюешь ты, Нарспи?
Стар жених твой? Иль подарков
Не успела накопить?»
Но Нарспи — ни слова; воду
Зачерпнула и пошла,
Дома в грусти о Сетнере
Вся слезами изошла.

Что-то попусту старуха
Про себя в избе ворчит.
Мигедер повозку чинит

На дворе — стучит, кряхтит.
Старых сил ему не жалко:
Топором он тешет сам;
Ради дочери любимой
Пот струится по щекам.
«С малых лет ее растил я,
Чтоб дожидаться этих дней.
Уж последний раз для дочки
Поработаю моей.
Подросла, невестой стала —
Муж богатый нужен в срок.
Подыскали мужа — нужен
Подобротнее возок.
Вот пришел и симек светлый —
Надо свадьбу разыграть.
Скличем сверстников сегодня.
Вечерком пора начать».

Дружно выкатили бочку,
Что с зимы была на льду.
У родных, друзей, подружек
Захватило хмелем дух.
Из печей от разной снеди
Духовитый пар идет.
У родных, друзей, подружек
Будто маслом залит рот.
Музыкант домашний ладит
Свой шибыр¹² в избе курной.
Парни бравые проходят,
Не задев земли ногой.
В ожиданье свадьбы славной
Все забегались, спешат.
И никто из них не знает,

Как горит одна душа.
А Нарспи оладьи маслит
В кухне летника¹³ одна.
И грустит, забыть не в силах,
Что просватана она.

«В дом родителя приехал
Чужедальный человек,
Чтобы девушку сосватать
За постылого навек.
Я отца и мать просила
Не спешить, а подождать,
И единственной их дочке
Год хотя бы сроку дать.
Но родители хмельные
Не послушали меня
И душе моей не вняли —
Деньги им милей, чем я».
Словно старый жесткий войлок
И душа у старика.
В юном, маленьком создание
И душа юна, мягка.
Кабы ей да птичье сердце,
Смех и слезы — все б легко;
Кабы крылья ей — вспорхнула б,
Улетела далеко.

Солнце, густо багровея,
За дремучий лес зашло,
И в Сильби, спустившись с горки,
Стадо шумное вошло.
За коровами девицы
Хлопотливые бегут;

Парни хитрые — за ними,
Ни на шаг не отстают.
Там один куда-то мчится,
Здесь буренушка мычит;
Тут несносный поросенок,
Всем терзая слух, визжит.
Вдоль по улице за стадом
Пыль вздымается столбом.
Вся в пыли бредет старушка,
Пробирается бочком.
Пиво пенное шипит
На руках у ней в чиресе ¹⁴,
Ой, тяжелая же ноша!
Ой, легко же будет пить!

Это старый Мигедер наш
В гости сверстников зовет:
То жена его деревней
С пивом свадебным идет.
Входит к сверстникам старушка
И, открыв чирес пивной,
Всех на свадьбу приглашая,
Наливает по одной:
— Други, сверстники, родные!
Не уважите ли нас?
Выдаем мы дочку замуж,
Не придете ль в Туригас?
«Благодарствуем, родная!
Только б в добром здравье быть,
Не откажемся, придем мы
Вашу радость разделить».
Меркнет день. Чирес старушки
Всех в деревне обошел.

Мать уже хлопочет дома,
Ставит кушанье на стол.

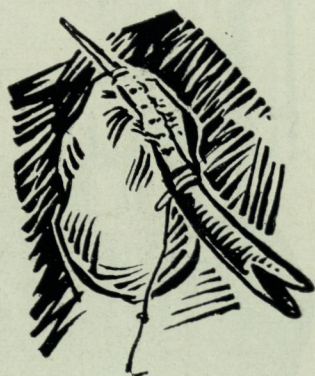
— Други добрые, подруги!
В Туригас нам путь держать,
Чтоб попить там вволю пива,
Свадьбу весело сыграть!
Родич наш просватал дочку,
Нынче нас к себе зовет;
В честь красавицы-невесты
Небывалый пир дает.
Прежде чем начать нам свадьбу,
По обычаю чуваш,
Мы родителей помянем,
Долг земной исполним наш:
«Деды, бабушки родные!
Благоденствуйте в раю.
Наши явства, возлиянья
Пусть усладу вам дают.
Вы ж Нарспи любимой нашей
Ниспошлите долгих дней
Счастья, радости, веселья;
Мир, блаженство дайте ей!»

Помянули всех усопших
По обрядам старины
И открыли клеть большую:
Свадьбу там начать должны.
Мать с отцом в ковшах глубоких
Пиво подняли и мед...
Перед ними на коленях
Дочь печально слезы льет.
— Дочь, Нарспи, благословляем

С мужем жить тебе в ладу!
Мир да будет между вами
И согласие в роду.
Слушай мужа, будь покорна,
Злых людей не привечай;
А в работе будь проворна,
Да смотри же, не плошай! —
Так родные наставляют.
Дочь сдержать не в силах слез.
Заиграл шибир уныло —
Свадьбу начали всерьез.

Сон глубокий, сон мертвецкий
Над Сильби давно царит.
Месяц рад земли покою,
С неба ясного глядит.
Разошлись и хороводы,
Смолкло пение девчат.
Спят беспечно гости свадьбы,
И хозяева уж спят.
Теплый воздух остывает.
Нет ни звука, лишь одна
Где-то тявкает собака,
Лает нехотя она.
Петухи пропели полночь,
Продолжая сидя спать.
И луна за лесом скрылась,
Чтоб на зорьке подремать;
Сном здоровым, честным, сладким
Спит чувашский люд всю ночь.
У одной лишь сердце с горя
С болью страшной рвется прочь.

СВАДЪБА

Не взошло еще и солнце —
Над деревней дым стоит.
Чуть продрал глаза чувашин,
А уж в бане он сидит.
Как велит обычай, в симек
Люди моются с зарей,
И распаренное тело
Натирают сон-травой.
Это деды завещали
Вековый свой обряд.
Так сегодня перемылись
Все чуваша: стар и млад.
В белоснежных новых платьях
Вышли люди со двора,
Вышли чинно и степенно
И пошли на пир с утра.
— Вот и свадьба! Наша свадьба
И шумна и весела.—
С Туригаса раздается
Гром и звон на полсела.

Издадека пред глазами
Мигедеров дом встает.
То в калитку, то в ворота
Целый день валит народ.
Под окном толпа незваных —
Посмотреть пришли; и тут
Стариков, старух немало —
Ждут: авось-де поднесут.
Нежно льет шибыр-волынка
Плясовую, плавно вьет.
С позволения хозяев
Гость за гостем в пляс идет.
Пляшут гости, веселятся,
Отдохнув, опять встают.
Стоит музыке умолкнуть —
Тут же песню запоят:
«Отчего все так притихли?
Не сидеть же молча нам.
Мы уже не соловьята,
А под стать и соловьям!»

Но шибыр неугомонный
Вновь заманивает вас.
Пол трещит под молодцами —
Сдержан, плавлен женский пляс.
А в углу почетном, красном,
Гости важные сидят;
Жениху с невестой много
Славных дней они сулят:
«Пусть живут в довольстве, здравье,
Да детишек народят;
Пусть молва их не охает,
И во всем пусть будет лад.

Пейте, кушайте, родные,
В дружбе век нам вековать!
Молодых любя, давайте
Веселее пировать!»
Посмотрите, полюбуйтесь,
Сам хозяин пляшет как!
Знать, дочерней свадьбы радость
Молодит и старика!

Парни brave танцуют,
Каблуками пол дробят.
Их девицы окружили,
Песней, шутками бодрят...

.

С бахромой витого шелка
Ниспадает с потолка
Алый занавес до пола
И колышется слегка.
Там невеста под фатою
Изливает скорбь свою;
А вокруг нее подруги,
Заглушая плач, поют.
И подруги вспоминают
В песнях горестных Нарспи;
Да, Нарспи, дочь Мигедера,
Это — ей прощальный пир.
Тахтаман седобородый
Должен мужем стать, беда!
Разлучиться с милым сердцу
Ей придется навсегда.
Что-то станет с Сетнером,
Коль возьмет тебя чужой?

Ах, Нарспи, моя сестрица!
Где удел счастливый твой?

Расшумелась лихо свадьба,
Ей конца и края нет.
Всем родным, друзьям прощальный
Завезти должны привет.
В крытой кожею повозке
Объезжают всех вокруг.
И далеко раздается
Песня звонкая подруг.
День и ночь шибир играет
И не хочет перестать.
День и ночь танцуют парни
И не думают устать.
Детвора гурьбой веселой
За повозкою бежит.
Лишь старик какой-то древний
У избы упал, лежит.
Веселей справляйте свадьбу,
Сам устал он пировать;
Хочет, хочет приподняться,
Да не в силах старый встать.

У ЗНАХАРЯ

Закоптelay избушка,
На скамье старик седой.
От окна в одну зарубку
Не светло в лачужке той.
Только дверью приоткрытой
Освещается изба.
Вон лучи упали на пол,
Наподобие снопа.
Дед в углу латает лапоть
Под единственным окном,
Тихо возится он с лыком
И стучит кочедыком.
А лучи, скользя украдкой,
Ближе, ближе подошли
И на голову седую
Старцу вещему легли.
Заиграло солнце ярко
В волосах у старика.
Ноша лет ему сегодня,
В светлый симек, не тяжка.

Ковыряясь в лапте, что-то
Бормоча под нос себе,
Не заметил он, как кто-то
Подошел к его избе.
У открытой двери тихо
Стала женщина одна.
И седому старцу молвит
Слово теплое она.
Это — бедная старушка,
Мать Сетнера, подошла.
Сын ее, Сетнер, страдает
От каких-то духов зла.
Мать подумала, смекнула:
Ворожкой помочь нельзя ль?
И поведала, вздыхая,
Старику свою печаль.

.
Долго длилась их беседа,
Говорили обо всем:
И о нравах древних дедов,
И о прошлом о своем.
Наконец вещун-кудесник
Согласился погадать.
За труды чулки, рубаху
Посулила старцу мать.
Старец встал, оставив дело,
Лапоть ветхий отложил;
Плотно дверь закрыл и крепко
Кочергою заложил.
На себя надел он шубу,
А подмышку шапку взял;
Пред собой монету бросил,

Сам на старый лемех встал ¹⁵;
Проведя сухой ладонью
По бородке по седой,
На потертую монету
Он уставился, слепой.

Медлит старый предсказатель;
А потом, разжав уста,
Обратясь лицом к старушке,
Он сказал ей тихо так:
«Лоб пробит, и в сердце рана,
К исцеленью нет пути.
Что судил великий пю́лех ¹⁶,
От того нам не уйти.
Кровь горячую дал пюлех,
Душу мягкую ему;
Но судил он век короткий,
Жизнь тяжелую к тому ж.
Дни холодные настанут —
Кровь застынет, все суша;
Дни жестокие настанут —
Очерствеет в нем душа.
Дни горячие вернутся —
Вновь, как пламя, вспыхнет кровь,
И сгорит, испепелится
Вся душа, растаяв вновь».

Кончил старый и в глубокой
Задержался думе он;
Шубу с шапкой на скамейку
Сбросил, чем-то сам смущен.
А потом к старушке снова

Обратил свои слова
(Та сидела на скамейке
И качалась, чуть жива):
«То не духи зла, не ёрех¹⁷,
Что болезни шлет на нас;
Не коварство киремётя¹⁸,
Не дурной колдуний глаз.
Нет, Сетнера в книгу жизни
Пюлех с жребием таким
Записал. Не плачь, родная:
Нам ли, смертным, спорить с ним?»
.

Так кудесник напророчил
И в смятенье замолчал,
Снова взялся за работу —
И ни слова не сказал.
Свесив голову, старушка
Грустно двинулась домой.
А старик присел на лавку,
Чтоб закончить лапоть свой.
Но, в недоуменье, что-то
Все бормочет дед седой:
«Как же это так сегодня? —
Говорит он сам с собой, —
Ворожа наивным людям,
Я дсныне их всегда
Суесловием морочил,
Зная, в чем у них беда.
А сегодня... неужели
Сердцем правду угадал?
Ведь хотел наврать старушке, —
Значит, верно? Вот не ждал!»

ПОБЕГ

Солнце село. Стало тише
И спокойнее в Сильби.
Разошлась и свадьба на ночь;
Гость, довольный пиром, спит.
Парни, девушки выходят
Хоровод водить, играть.
И Нарспи-невеста вышла
Век девичий провожать:
Поиграть последний вечер,
Прежде чем замужней стать;
И последний раз Сетнера
До чужбины повидать.
А Сетнер угрюмый там же,
Свесив голову, стоит.
У Нарспи горячи слезы
Вызвал парня скорбный вид.
Как умолкли хороводы,
Пара долго меж собой
Говорила и, обнявшись,
Скрылась вдруг во тьме ночной.

Звезды мелкие на небе
Все попрятались давно.
Собрались над лесом тучи,
И от них черным-черно.
Хлынул дождь: по всем ложбинам
Побежал, журча, поток.
Лес густой шумит, а ветер
Воет, как голодный волк.
Лес дремучий освещая,
Всюду молнии блестят.
По тропинке темной чащи
Скачет всадник наугад.
Громко фыркая, несется
Конь горячий напролом;
Устает он: мчатся двое
На хребте его крутом.
Дуб стоит во тьме, как улап¹⁹, —
Великан, шумя листвою;
Говорит: «Счастливей путь вам!»
И кивает головой.

Занялась заря. Светает.
Скоро солнышка восход.
Только вспыхнул день—на свадьбу
Собирается народ.
Время молодцам проворным
Пляску легкую начать,
Время сверстницам-подругам
Песни звонко запевать.
Но шибыр молчит: не видно

Музыканта; за столом
Перестало литься пиво,
И не потчуют вином.
Мигедер в курной избушке
Пререкается с женой.
Что ж такое приключилось,
Все притихли за стеной?
Тут притихнешь поневоле:
Нет невесты, скрылась дочь;
Да, Нарспи ушла с Сетнером
С хоровода в эту ночь.

Трое всадников на борзых
Рыщут по лесу чем свет:
Здесь один, другой подальше,
Все какой-то ищут след.
Ищут след и каждый шорох
Ловят чутко — ни дохнуть:
«Солнце всходит ярко, нужный
Не откроет ли нам путь?»
Но ни признака нет в чаще,
Надо глубже забрести.
В гневе хочется ругаться;
Поскорее бы найти!
Лес густой, суровый; всюду
Дикий крик и гомон птиц.
А следа нигде не видно —
Ни проехать, ни пройти.
Трое всадников упрямо
Продвигаются вперед;

Чей-то след по дебрям ищут,
Рыщут вдоль и поперек.

Крепко спит Сетнер под дубом
Под высоким, сладко спит.
Рядом с ним, у изголовья
Сидя, дремлет и Нарспи.
Страшный сон бедняжке снится;
Стал ее родитель псом
И, стуча зубами, рыщет,
Ищет дочь в лесу глухом.
Лес трещит, хрустит валежник,
Пес грозит на ходу:
«Где ты скрылась, дочь-злодейка?
Растерзаю, как найду!»
Близко, близко, вот доскачет!
И Нарспи проснулась вдруг;
Смотрит: прямо к ней несутся
Трое конных во весь дух.
— Ой, Сетнер, Сетнер! Поймали!
Встань скорей! Бежим опять!
Ах, погибли мы, погибли,
Как спастись? Куда бежать?..

Музыкант, бывалый парень,
И два дюжих молодца
Привели Нарспи с Сетнером
В осрамленный дом отца.

Увидала мать — вцепилась
Дочке в волосы тотчас.
А старик ударил парня
Кулачищем промеж глаз.
— О родимая, за косу
Перестань-ка дочку драть.
Если так учить ты будешь,
От меня не жди добра.
— О почтенный Мигедер наш,
От побоев пользы нет:
Из золы ведь дров не сделать,
Как ни бей меня ты, дед!—
Псом тут бешеным рванулся
К плетке старый Мигедер
И давай хлестать Сетнера,
Благо, связан был Сетнер.

На дворе народу много,
Словно свадьба здесь кипит.
На земле Сетнер избитый
Без сознания лежит.
Там же, долю проклиная,
Мать рыдает: — Сын ты мой!..—
Попросила двух соседей
Отнести его домой.
А невесту умывают,
Косу туго ей плетут;
И под белым покрывалом
Вновь за занавес ведут.

Снова топот ног и песни,
Эй, дружной давайте пить!
Но о том, что приключилось,
Жениху не говорить!
Вот так свадьба! Вот так той ^{20!}
Славный той... да срам какой!

ДВЕ СВАДЬБЫ

Солнце жаркое, пылая,
Перешло давно зенит.
За околицей сегодня
Почему-то лес звенит.
У плетня с утра толпится
В ожидании народ.
Свату дали знать, что скоро
Поезд будет у ворот.
Гулкий стук копыт раздался,
И верхом, ведя свой стан,
Первым вылетел из леса
Зять наш, славный Тахтаман.
Плосконосый, узкоглазый,
С рыжеватой бородой;
Искаженный быстрой скачкой
Вид разгневанный и злой.
Шапка рыжая с монетой,
Черный плисовый кафтан,
Лапти новые, онучи —
Не жених, а красота!

С песней едут вдоль деревни
Поезжане жениха.
Ждет их сват и не дождется
У ворот своих никак.
А навстречу с Туригаса
Гром и звон раздался вдруг:
Приоткрыв лицо, невеста
Едет, стоя меж подруг.
У красавицы с обиды
Сердце пламенем горит.
Жениха Нарспи увидев,
Громко ропщет, голосит:
«О родители, зачем вы
Погубили жизнь мою?
И зачем в чужие руки
Вы отдали дочь свою?
Тахтаман, жених мой старый,
Пусть сгублю себя я душу,
Но не буду жить с тобой!»

Сват почтенный встретил поезд
С пивом-медом — добрый знак!
Посаженный произносит
Свой торжественный такмак ²¹.
Он, увлекшись, плещет пиво
Под шутливый, бойкий стих.
Вороному не стоится —
Хлещет плеткою жених.
Семь наездников отважных

Рядом с ним, к седлу седло,—
Песней громкою, шальнойю
Будоражат все село.
А въезжающим телегам
Нет конца, не счесть людей.
И трещат, трещат ворота
Под ударами плетей...²²
Пир у свата был на славу:
Пили, ели — как могли.
Через день на воле шумно
Разыграли выйгилли²³.

Так три дня не уставали
Хужалгинцы пить и есть;
На четвертый гости стали
Говорить: «Пора знать честь!—
Собираться начал поезд.—
Надо ехать в Хужалгу;
Погостили, так нельзя же
Оставаться нам в долгу».
— Не спешите-ка вы, сваты,
Приглашают в новый дом.
И куда так рано? Лучше
Попируем-ка, попьем!—
Тут еще повеселились
Напоследок во всю прыть.
Но в конце концов устали —
Перестали гости пить.
Поезд двинулся, готовый

В свой торжественный поход.
Провожать собрался свадьбу
Из всего Сильби народ.

Возле древнего кладбища
Придержали лошадей:
Мать с отцом проститься едут
С дочкой выданной своей.
Сильбияне окружили
Поезд тесною толпой;
После жертв и возлияний
Все следят за молодой.
Тут же с матерью своею
И Сетнер стоит, разбит;
Воспаленным взором ищет
Сердцу милую Нарспи.
Мигедер с женою снова
Дали дочери наказ;
Слезы теплые пролили
Всей родней на этот раз.
Но ни слова дочке милой
Не сказали за позор:
За побег ее с Сетнером,
Осрамивший дом с тех пор.

Гости тронулись, прощальный
Ковш за здравие распив.
Посмотрела на Сетнера
И заплакала Нарспи.

А когда умчалась свадьба,
Долго звон в лесу стоял.
Поезд скрылся с глаз, и каждый
Восвояси зашагал.
И Сетнер поплелся грустный
Вместе с матерью домой;
Развели его навеки
С ненаглядной, дорогой.
«Эх ты, жизнь моя, недоля!
Лишь осталось умереть.
Эх, судьбина, и Нарспи ведь
В доме недруга хиреть.
Без нее мне что же делать
С бесталанной головой?
И куда теперь деваться
Мне с кручиной черной, злой?»

Далеко Нарспи умчали,
А Сетнер к себе шагал.
Нет, никак не одолели
Милый с милою врага.
Убежавших двух влюбленных
Лес дремучий не укрыл.
Так и взял Нарспи-девицу
Тахтаман седой, купил!
Обездолен парень бедный,
Хоть любовь его нежна.
Такова, знать, воля божья,
Знать, такие времена.

Много люди говорили:
То да се... да есть ли прок?
Даже мудрые все это
Не могли себе взять в толк.
Вот Нарспи и на чужбине,
А Сетнер один с тоской.
Дочь свою, дитя родное,
Погубил отец родной.

В ХУЖАЛГЕ

В Хужалге, слышать, пируют;
Пир-то, кажется, горой.
Говорят, справляет свадьбу
Тахтаман — старик седой.
Славный сей жених девицу
Сильбиянку подцепил,
В честь красавицы-невесты
Небывалый задал пир.
Молодые парни вихрем
В пляске носятся с утра.
Песни свадебные льются,
Устают их петь уста.
Погуляв в Сильби, вернулся
Лишь вчера жених; и вот,
Средь своих пока пируя,
Свадьбу девичью он ждет.
По обычаю сегодня
В клеть чету уложат спать,
Чтобы завтра вместе встать им,
Чтоб женой невесте стать.

Хужалга — село большое,
За крутым холмом стоит.
Тахтаман, справляя свадьбу,
За большим столом сидит.
Гнется стол из белой липы
Под обильною стряпней.
Пьет жених, весь мир кружится
В голове его хмельной.
Солнце клонится к обеду.
День и ярче и теплей.
А жених сидит, качаясь,
Все становится пьяней.
Попоеет и перестанет
Перепелочка в степи,
А жених все донимает:
Скоро ль поезд из Сильби?
Встал жених; подол рубашки
Развевается, шурша.
С нетерпения трепещет
В старом старая душа.

Заливаются весельем
Колокольца под дугой.
Вдоль по улице несется
Поезд девичий, лихой.
Десять родственниц в повозке,
От хушпу²⁴ их звон и блеск.
За повозкою высокой —
Сорок три телеги вслед.
Вот в семи местах в деревне
Стали гости у ворот;
Хужалгинцы их встречают,
Поднося им пиво-мед.

С песней доброю въезжают
Сильбияне к жениху;
И едят и пьют исправно:
Путь не близкий в Хужалгу.
«Не настал еще и полдень,
Время некуда девать.
И до вечера успеем
Славно мы попить».

Проведя обряд с водою²⁵,
Не устав плясать и петь,
Увели Нарспи-невесту
С Тахтаманом на ночь в клеть.
Эту клеть благоразумно
Люди заперли замком;
И, друг другу улыбаясь,
Возвратились тихо в дом.
Вот вокруг заветной клетки
Кружит парень молодой:
Подсмотреть или подслушать
Ищет место под стеной.
Да пять-шесть мальчишек бойких
Вьются тут же по углам.
Ай, ребята, как не стыдно!
И чего здесь надо вам?

.

Чутко слушают, таятся,
Каждый — ближе норовит.
Ишь, притихли пострелята:
«Чу! Невестка говорит...»

Что-то там Нарспи сказала
Тахтаману, но никак
Речь ее не разобрали:
Слишком сдержанна, тиха.
Подавить не в силах гнева
Тахтаман ей крикнул тут:
«Не забудь, Нарспи,— отныне
Я держу твою узду!
Провожу вот только свадьбу,
Там получишь ты сполна.
Что случится — неизвестно,
Испытаешь, что должна...»
И не стало слышно дальше,
Как ни ждали, но в клети
Не промолвили ни слова;
Все уснуло взаперти.

Разбегаются мальчишки,
По домам несут слова.
Начались пересуды,
По селу пошла молва.

.

А детина неизвестный
К лесу двинулся скорей.
Он подслушанное слово
Затаил в душе своей.
На глазах свернули искры,
Гневом взгляд его горел.
Но никто из шедших мимо
На него не посмотрел.
Только дуб соседу-дубу,
Наклонясь, шепнул листвою:

«Человек, что скрылся в чаще,
Был наш друг — Сетнер родной».

На столе дымится каша,
Это знак прощанья дан:
Провожает новых сватов
Зять наш новый, Тахтаман.
Зять почтенный и хозяин,
Угощая сам гостей,
Всем им кланяется в пояс
Средь большой избы своей:
«Не взыщите, други-сваты,
Стол не так обилен мой.
Пейте, кушайте, чтоб вечно
Жить нам дружною семьей».
Перепившиеся сваты
Расшумелись — сладу нет.
Все ж, хотя и охмелели,
Знают, что сказать в ответ:
«О зять добрый, мы довольны
Тароватостью твоей.
Береги жену и пестуй,
Будь до гроба счастлив с ней».

На дворе танцуют кони,
Чуя к дому поворот.
Сели, выехали сваты
С доброй песней из ворот:
«Сядем что ли да поедем
С полным меда мы ковшом...»
За телегами вдоль улиц
Закружилась пыль столбом.

Динь-динь-динь в Сильби несется
Колокольцев ясный звон.
Конь бежит, мотая гривой:
Горячит седок, хмелен.
Свадьба кончилась, уходит,
По дороге ровной мчит.
Старый путник, поравнявшись,
«Благодарствуем!» кричит.
Удаляющихся песен
Звуки слушала Нарспи.
Далеко-далече где-то
Поднималась пыль в степи.

После Симека

Пир прошел, прошел и симек,
Дни веселья улеглись.
Чередой однообразной
Потянулась в селах жизнь.
В поле черными пластами
Режут землю сошники;
У Нарспи кручина злая
Режет сердце на куски.
Под косою острой вьется,
Пригибается трава;
У Нарспи от злой кручины
Поникает голова.
С каждым днем сильнее солнце
Землю-матушку печет;
У Нарспи кручина злая
Сердце бедное сосет.
Каждый день с гвоздя сползает
Плеть ременная змеей:
Тахтаман, видать, сурово
Расправляется с женой.

Есть Сентти, мальчишка славный,
Он играет день-деньской:

Коромысло — конь ретивый,
Сам — наездник удалой.
Вдоль по улице широкой
Поднимает пыль горой;
Черный весь, как цыганенок,
Возвращается домой.
Есть Сентти, ребенок милый,
К тетке он верхом летит,
Полон нежного участия,
С ней лепечет, говорит.
Все грустит Нарспи-молодка,
Все печальная сидит;
Только деверя сынишку
Любит, славного Сентти.
Все грустит Нарспи-молодка,
Все печальная сидит;
Забывает злое горе
В разговоре лишь с Сентти.

Дал же бог ребенку душу,
Что таким он славным стал;
Чтобы мог играть, смеяться —
Птичье сердце даровал.
Да, в ребенке семилетнем
Нрав чувашский неспорста:
Если глазки плачут, все же
Улыбаются уста.
Льнет Сентти красивый к тетке,
Все лепечет про свое,
И умильными словами
Утешает он ее:
«Тетя, тетя, полно плакать,
Вынь платок, утри глаза.

Прогони свое ты горе,
Пусть не катится слеза».

.

Тахтаман, наш зять почтенный,
Помнит свадебную клеть:
Каждый день со свистом вьется
Над его женою плеть.
Истязания безмолвно
Терпит бедная жена.
Бьет безумный муж — не знает,
Что судьба его темна.
Кто-то раз пришел к ним на дом,
Тахтамана подозвал
И в отсутствии супруги
Что-то шепотом сказал:
Тут Нарспи заходит с пивом,
Гостю ковшик подает.
Только гость ушел, нагайка
Принялась учить ее:
«Вот какая ты девица!
Значит, там с Сетнером ты
Убежала в лес средь ночи,
Да еще из-под фаты!»

Бьет жену, мученьям разным
Подвергает Тахтаман.
Все растет дурная слава,
Слух худой среди селян.
Да, случается на свете!
Ведь в потемках по углам
Зло немалое творится,
Нет числа таким делам.

Холят, любят и лелеют
Дочь свою отец и мать;
Замуж выдадут — муж старый
Начинает ревновать.

Вот нашли для дочки мужа —
Богатея мать с отцом.
Но, коль нет любви меж ними,
То какая польза в том?
А когда чета в согласье
И в любви, — пускай бедна, —
Все равно живет счастливей
Богача стократ она.

Бей, пори жену, хозяин,
Душу вынь ты из нее!
Поступай с ней, как с собакой,
Истязай, замучь ее!
Бей нещадно, чтоб с насмешкой
Не мирилась седи́на!
Истязай Нарспи, скорее
Чтоб состарилась она!
Но смотри, чтоб самому же
Не раскаяться потом...
Бей, чтоб юность не глумилась
Над почтенным стариком!..
После свадьбы пролетело
Три недели; до сих пор
Все Нарспи терпела, молча,
И побои, и укор.
На четвертую неделю,
В ясный вечер, в тихий час...
(Нет, постой, об этом деле
Заведем поздней рассказ.)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НАРСПИ

Солнце встало: гор вершины,
Долы, реки — все светло.
Земли дальние согрело
Благодатное тепло.
Ясный летний день ласкает
Так же щедро Хужалгу.
Все живое пляшет, скачет
В роще, в поле, на лугу.
Звонко, радостно запели
Пташки песенку свою.
Словно лебеди, девицы
За водой сошли к ручью.
Лишь в одном просторном доме
Нет ни звука. Тишина.
И сидит в нем молодица,
Свесив голову, бледна.
Тахтаман, поев на зорьке,
В поле выехал свое.
А жена одна томится,
Безысходна грусть ее.

«Вышла замуж поневоле,
По велению родных...
Не на радость вашей дочке
Вами выбранный жених.
Не жалея, дочь родную
В даль чужую, злую даль,
В руки жесткие, чужие
Бы отдали навсегда.
А теперь она страдает,
Нет ни в чем отрады ей.
Старый муж, как над собакой,
Измывается над ней.
Ах, зачем меня так грубо
Разлучили с милым вы?
И зачем своей я раньше
Не сгубила головы?
Для чего с врагом жестоким
Под одной мне кровлей жить?
Не покончить ли с собою?
Как все вынести? Как быть?..

«Замуж выдали насильно —
Здесь я счастья не найду.
Нет, родительская воля
Лишь на горе, на беду.
Замуж выдали насильно —
Мир безрадостен вокруг.
Из-за вас, мои родные,
Одинок любимый друг.
Замуж выдали насильно —
Честь растоптана моя.
Чтя родительскую волю,
Исстрадалась только я.

Замуж выдали насильно —
Жизнь тоски и мук полна.
За смирение, за покорность
Что мне даст теперь она?
Замуж выдали насильно —
Здесь я счастья не найду.
Нет, родительская воля
Лишь на горе, на беду...

«Но в Сильби живет мой милый,
Не найду ль защиты в нем?
Он могучими руками
Не расправится ль с врагом?
Нет, чем мне с собой покончить,
Я злодея погублю.
Чем терпеть все истязанья,
Тахтамана я... убью.
Только сил моих довольно ль?
Как отсюда вырвусь я?
О мой пюлех, помоги мне!
Как же быть? Горю я вся...
Сгинь, злодей, иль я погибну!
Муки ада дни таят.
Сделай ты свое мне дело,
Услужи сегодня, яд!..»
Так Нарспи исходит грустью,
Вся душа ее кипит.
В голове решимость злая
Страшный замысел родит.

Солнце жаркое, играя,
Поднимается в зенит;
Тихо клонится к обеду,

Ярким пламенем блеснит.
Мир сияет, мир ликует;
Все поет, звенит, гудит.
А Нарспи в избе рыдает,
Сердце рвется из груди.
Вот верхом на коромысле
Скачет маленький Сентти;
Шумно, весело заехал
Мальчик тетку навестить,
Бьет храбрец свою лошадку
Свежим ивовым прутком;
Тетку, как бы ненароком,
Легким трогает пинком.
Но и он в недоуменье
Вдруг играть с ней перестал
И на улицу с лошадкой
Поскорее ускакал.

Дует, плюет молодлица,
Суп помешивая свой;
Под котлом огонь пылает,
Извивается змеей.
«Через семьдесят морей
Едет бабка Шабдан ²⁶.
Дунь, старуха, плюнь ты в суп —
Пусть погибнет Тахтаман!
Островов чрез шестьдесят
Скачет бронзовый пуган ²⁷.
Прискачи скорей, пуган,—
Пусть погибнет Тахтаман!
На горах — на тридцати
И одной — котел-латунь:
Суп, варись; варись в нем, змей;

Ты, злой муж, варись в аду ^{28!}»
Дует, плюет молодница,
Суп помешивая свой.
Закипает ужин смерти
И бурлит, шипя змеей.

Поздно, к сумеркам лишь, с поля
Возвратился муж домой.
На столе в глубокой миске
Суп дымится роковой.
Тахтаман взял ложку с полки,
Сел, хлебнул, посмаковал.
«Вкусный вышел суп сегодня!» —
Честь он ужину воздал.
А потом, сверкнув белками,
Показал кулак большой:
«Вкусный суп, садись да кушай, —
Крикнул он жене, — не стой!»
— Ничего, поем и после,
Я не очень голодна. —
Ах, Нарспи тут не стерпела —
Удалилась прочь она.
У сеней сидит, на землю
Слезы льет, а Тахтаман
Продолжает насыщаться,
Ест, шатаясь, точно пьян.

Ешь отравленный свой ужин,
Тахтаман, да поплотней,
Доотвала ешь; отныне
Ты не муж жене своей.
Ты погиб уже навеки,
Ты — не мира властелин!..

«Эй, Нарспи, войди скорее!
Спать хочу, постель стели.
Попахал, приутомился,
Все нутро горит огнем.
Суп водой запил холодной —
Показалась мне вином».
Тут Нарспи вошла послушно,
На полу старик сидит.
Весь он корчится от боли,
Задышается, дрожит.
Постелила жена мужу,
Уложила, не дыша.
Раза два его рвануло,
И простилась с ним душа.

В мире жизнь одна пропала
В наказание за зло.
Успокоился чувашин,
Все от сердца отлегло.
Жутко женщине: стол, стулья
Словно ожили в тени;
Долго с жалостью смотрели
На холодный труп они.
Но настала ночь, и в доме
Все покрылось мглой густой.
Тахтаман жену пугает
Длинной мертвою рукой.
Жизнь окончена; с постели
Человеку вновь не встать.
Ненакормленной скотине
Он не сможет корм задать.
Кони, что весь день пахали,
Ржут голодные; увы,

Вам хозяина-кормильца
Не видать, сироты вы!

За околицей осинник
Шелестит слегка листвою.
В вышине играет ветер
С полуночною звездой.
Хушалгинские чуваш
Спят давно глубоким сном.
Лишь сова кричит протяжно,
Пролетая над гумном.
Из-за леса выплыл месяц
И торчит, как белый рог.
Тихо, тихо, осторожно
Перешла Нарспи порог.
Легкой тенью проскользнула
За ограду вдоль гумна,
И, задами выйдя в поле,
К лесу бросилась она.
Посмотреть ее желая,
Месяц долго следом мчал.
Только лес тревожно что-то
За беглянкой прошептал.

Вот бежит Нарспи, несется
Темным лесом все быстрее.
Лес застыл в молчанье строгом,
Страшно, жутко в чаще ей;
Неуклюжие деревья
Машут сучьями, листвою,
То и дело преграждают
Путь Нарспи во тьме густой.

Арзюри ²⁹ играют, скачут
И, пытаясь зацепить,
Вдруг протягивают, молча,
Руки длинные к Нарспи.
Налетел внезапно ветер,
Лес взбесился, ошалел:
«Тахтаман, держи беглянку!»
Ветер дико заревел.
«Вот бежит она, злодейка,
Муж, лови свою жену!..»
Словно тридцать три шайтана
Лес взывает: у-у-у!

Рано встав, одевшись наспех,
Побежал играть Сентти;
Сел верхом на коромысло,
К тетке ласковой летит.
Прибежал. Но тетки нету.
Дядя что-то долго спит,
Не добудишься, и мальчик
Озадаченный стоит.
Тут вошел какой-то взрослый,
Вдруг застыл на месте он.
Постоял с минуту молча,
Посмотрел и вышел вон.
Погодя еще немного
Был весь дом людьми набит:
«Как скончался Тахтаман наш?
И куда ушла Нарспи?..»
Как ни спрашивай — ответа
Мертвый вам не сможет дать.
А Нарспи в лесу дремучем —
Вам ее не отыскать.

В С И Л Ь Б И

А в Сильби настали будни,
Тихо зажило село.
Отшумел беспечный симек,
И веселие прошло.
Пестрядинные рубашки
Видны в поле там и тут.
Наш чуваш, как вол, в работе,
С песней взялся он за труд;
Поднимается с зарею,
В степь широкую идет,
Позакусит и скорее
Косу светлую берет.
Так, моленья полевые
Справив, сеном занялись;
На лугах большие копны,
Точно башни, вознеслись.
Звон косы еще не смолкнул
Над нескошанной травой,
Смотришь — зреет рожь густая,
Блещет колос налитой.

Много всяких разговоров —
Ведь язык-то без костей.
Может, есть и доля правды
В том, что слышно средь людей.
И в Сильби судачат также:
Все «Нарспи» да «Тахтаман».
Знают все давно, как грозен
Этот скряга и коштан.

Опасаясь Мигедера,
Тихо, втайне от него,
Свесив головы, селяне
Говорят про дочь его.
Как Сетнер услышал это,
Так куда-то в тот же час,
Мать свою одну оставив,
Удалился, не простясь.
Люди, в поле поработав,
Едут к ужину домой;
Имена Нарспи, Сетнера
Повторяют за едой.

Зашагал Сетнер и быстро
Скрылся в чаще, разъярен.
О страданиях милой слыша,
Смерть сулит злодею он:
«Потемнеет, ночь наступит,
Повстречаюсь я с врагом.
До восхода солнца сердце
Перестанет биться в нем.
Рассветает, день начнется,
И проснется человек.
Враг мой будет спать и больше
Не пробудится вовек.
Встанет солнце, все согреет,
Буду я в лесу. Тебе
Не подняться, враг. Не будет
И Нарспи в твоей избе».
Но Нарспи сегодня ночью
Дом покинула одна;
Да, сама до встречи с другом
От врага ушла она.

В ЛЕСУ

Лес шумит, гудит дремучий,
Не видать просвета в нем.
Налетит внезапно ветер,
И завоюет все кругом.
Лес шумит, гудит дремучий,
Адским голосом ревет.
Бесы ль там разбушевались,
Арзюри иль прочий сброд?
Ветер в бурю вырастает,
Крутит все — вблизи, вдали.
Воеет темный лес, деревья
Гнутся чуть не до земли.
Беспрерывные над лесом
Тучи черные бегут.
Разрывая тьму густую,
Землю молнии секут.
Гром гремит, грохочет, глушит,
Мир едва ли нынче цел.
Дождевой поток рекою
По ложбинам зашумел.

Лес дремучий, лес дремучий,
Что так грозно ты шумишь?

Что ты воем, диким свистом
Душу бедную страшишь?
Лес еще неугомонней
Плачет, воет и ревет.
Не оставь, помилуй, боже!
День последний настает!
Ах, куда теперь деваться
Мне с преступной головой?
Ах, и как мне со своею
Сладить грешною душой?
Как он сир, Сетнер несчастный,
С горем горестным своим!
Как поют в лесу деревья
Песню буйную над ним!
Вот идет тропой и словно
Хочет бурю заглушить,
Он поет, поет детина,
Подавляя боль души:

«Лес дремучий, лес дремучий,
Что так грозно ты шумишь?
Что ты воем, диким свистом
Душу бедную страшишь?
Ах ты, горе мое, горе!
Не сжигай мои мечты.
И зачем у сиротины
Отнимаешь радость ты?
Знать, на муки, на страданья
Породила мать меня.
И от этих мук, терзаний
Гибнет молодость моя.
Не погибла бы, да бедность
Погубила молодца.

Бедность — ладно б, да людскому
Неразумью нет конца.
Ничего б и неразумность,
Да нашелся недруг злой.
Не помеха б враг, да видно,
Так назначено судьбой».

Все поет Сетнер, и буря,
Эту песню подхватив,
По глухим трущобам с плачем,
С завыванием летит.
Горек тот напев тоскливый,
Раздирает душу он.
Вместе с бурей далеко
Улетают вопль и стон.
Тихо-тихо замирают
Звуки в пропасти лесной.
И доходят эти слезы
До другой души родной.
Кто-то там в ответ рыдает
В чаще, боль свою глуша.
От жестоких мук другая
Там терзается душа.
Парень слышит чью-то песню,
Чутко ловит каждый звук,
Снова громко запекает
С буйной бурей сам-друг:

«Лес мой черный, лес дремучий,
Что шумишь так грозно ты.
Напевая, как подруга,
Будишь мертвые мечты?
Лес мой темный, лес дремучий,

Сироту не обмани;
Напевая, как подруга,
Душу тщетно не мани.
Лес широкий, лес дремучий,
Правду-истину скажи!
Пожалей меня: живую
Мне подругу покажи...

Чу! Ко мне шагает кто-то...
Женский облик вижу я:
Добрый, милостивый боже!
Ты ли, ты ль, Нарспи моя?..»

Встречу любящих с поклоном
Старый дуб благословил.
Ветер стих, и смолк лес темный,
Словно выбился из сил.
Тучи черные за лесом
Порассеялись вдали.
Птицы в гнездышках запели,
Солнце яркое палит.
На росу в траве щедрее
Солнце льет тепло свое.
Паре любящей ласкаться
Солнце яркий свет дает.
Ясный день звенит, сверкает,
Что за дело дням дурным?
Двое весело шагают,
Что за дело остальным?
Но в лесной глуши зловещей
Черной птицы слышен писк:
Тахтамана призрак бродит,
Душу требует Нарспи.

ОТЕЦ И МАТЬ

В ветхом домике Сетнера
Рядом милые сидят;
За столом убогим, низким
Скудный ужин свой едят.
Мать Сетнера от соседей
Простоквашу принесла;
Соль достала в солонице,
Да краюху из стола.
Разговор горячий льется
За едой у молодых.
А старушка-мать в сторонке
Тихо внемлет слову их.
Вспоминают о прошедшем:
О счастливых, мирных днях,
Хороводах, посиделках,
О веселых вечерах.
Вдруг в сенях раздался топот
Чьих-то ног, и тут же в дверь
Со своей женой-старухой
Входит старый Мигедер.

С т а р у х а

Мы пришли узнать-проведать,
Нет ли нашей дочки здесь.
Люди добрые сказали,
Тут она... Ну так и есть!

М и г е д е р

Дочь, Нарспи... Да дочь ли это?
Перед честными людьми
Как осмелилась меня ты
Опозорить, осрамить?
Чем на свете недовольна
Ты была? За что же так
Любишь, дочь моя, Сетнера?
Что имеет он, бедняк?
Дочь родителей богатых,
Как ты поступила? Как?
Ведь невиданным бесчестьем
Запятнала старика.

С т а р у х а

И зачем ей было надо,
Глупой, мужа убивать,
Да с Сетнером непутевым
Ночью по лесу блуждать?

М и г е д е р

Слава богу, я худого
Слова в жизни не слышал.
Моего покоя даже
Киремётъ не нарушал.

Дом мой добрый покровитель
Пирешти³⁰ оберегал.
Потому меня в деревне
Каждый чтит и почитал.
Был я пюлехом отмечен,
И любил меня харбáн³¹.
Синим небом, ясным солнцем³²
Верный промысел мне дан.
А теперь склонялся низко
Я седую головой.
И твоим поступком черным
Омрачен день светлый мой.

Старуха (к Мигедеру)

Да Сетнера пробери ты,
Чтоб свое он место знал,
Чтоб мозолистой рукою
Нашу дочку не хватал!

Мигедер

С малых лет ее растил я
И во всем ей угождал.
Ради дочери любимой
Век богатство собирал.
В ясный день и в ночь глухую
Сна спокойного не знал.
Ради дочери стараясь,
Глаз моих я не смыкал.
А потом гадал и думал,
Замуж как ее отдать;
Да старался побогаче
Жениха ей подыскать.

Выдал замуж, справил свадьбу;
Что сегодня за напасть?
Знать, с седою головою
Ни за грош мне и пропасть?!

С т а р у х а

Не жалеешь мать родную,
Провалиться бы тебе!
Кто тебя вскормил? Не я ли
О твоей пеклась судьбе?

М и г е д е р

С малых лет берег и холил,
Любовался красотой.
И меня же дочь сегодня
Погубила с головой.
С нашей волей поступила,
Точно с девичьим кольцом,
Седину не пощадила
Ты у матери с отцом.
Не помога и богатство,
Да и речь не помогла.
С женихом таким и дура
Так себя бы не вела.

Н а р с п и

О родитель, как мне, юной,
Было жить со стариком?
Не в богатстве благо; благо —
В человеке, в нем самом.

Старуха

Но, но, дерзкая, довольно,
Не болтай, закрой свой рот.
Мать свою совсем изводишь,
Бог тебя накажет вот!

Мигедер

Так меня ты осрамила!
Что все станут говорить?
«Не забудь про дочку, старый!»
Будут злобствовать, корить.
Что б, однако, ни болтали
Горлопаны день и ночь,—
Честь хотя и замарала,—
Все равно моя ты дочь.
Выйдем, доченька, покинем
Захудалый этот дом.
И, пока не вся в грязи ты,
Мужа нового найдем.
Не горюй, Нарспи, вернемся,
Твой отец ведь жив пока.
Если честь и пострадала,
Ведь родитель твой богат.

Старуха

Да пойдем скорей, собака!
Нет того, чтоб слушать мать...
Знай, Сетнер, знай, пес бесстыжий:
Ты — богатому не зять!

Н а р с п и

О родители, зачем вам
Так корить меня сейчас?
И зачем зовете дочь вы,
Опозорившую вас?..

С т а р у х а

Вот еще заговорила!
Ты послушай-ка ее!

М и г е д е р

Помолчи, старуха, хватит,
Пусть расскажет дочь свое.

Н а р с п и

Я не девушка, зачем же
Возвращаться мне домой?
Чтобы снова нелюбимый
Измывался надо мной?
Нет, отец, и не зови ты:
Поздно. Я у вас опять,
После этих злоключений,
Женихов не буду ждать.
Вы меня растили, верно,
И любили дочь свою;
Но я выросла — вы душу
Не увидели мою.
Я просила, умоляла,
Заклинала слезно вас;
И в ногах у вас валялась
В тот последний, страшный час.
Вы же дочь свою родную,

Хоть и вырастили, да,
Но, продав ее за деньги,
Погубили навсегда.
В детстве мне вы говорили,
Что вы любите меня:
Доставали все, чего бы
Ни просила в доме я.
А девицей — год лишь сроку
Я отца просила дать,—
Обругал отец жестоко,
В косу мне вцепилась мать.
Ах, зачем мое желанье
Сокровенное, родной,
Не исполнил ты в то время?—
Я была б теперь иной.
И зачем ты дочь родную
Волку жадному отдал?
Все свое блаженство, счастье
Ты в одних деньгах искал...
Да, в моих страданиях, муках
Виноват, отец, ты сам.
Коль Сетнер не будет зятем,
Я не буду дочкой вам.
О родители, с Сетнером
Я прошу благословить.
И тогда мы вечно вместе
Будем все в согласьи жить.

С т а р у х а

Вон что дочь твоя городит,
Соблазнил, знать, черт Сетнер!

Ии ³³! Вернемся-ка мы лучше,
Плюнь на дочку, Мигедер!

М и г е д е р

Ыых ³⁴, Сетнер! Припомню! Ты мне
Погубил дитя! Тебе ж,
Дочь жестокая, век сохнуть
В этой вот курной избе!
В дом отца еще сама ты
Прибежишь — придет пора!
И тогда сама увидишь,
Как отец желал добра.
Да, пойдем теперь, старуха,
Возвратимся мы домой.
Больше нечего сказать нам
Нашей дочери родной.

С т а р у х а

Гибнуть, сохнуть вам, подобно
Сучьям голым, вечно тут!
По-собачьи жить, доколе
Ваши кости не сгниют!..

Дочь родную проклиная,
Удалились мать с отцом.
И на улице старуха
Крепким тешится словцом.
От стыда краснея, солнце
Закатилось. Пала мгла.
Мать Сетнера с тяжким вздохом
Убирает со стола.

ЧЕТЫРЕ СМЕРТИ

Всех даров земных желанней
Сон тому, кто утомлен.
И в Сильби сегодня люди
Погрузились в сладкий сон.
Спят глубоко поселяне.
Дремлет черный лес; порой,
Просыпаясь от ветра,
Шелестит слегка листвою.
Вот из леса две телеги
Показались. Вот они,
Пароконные, к деревне
Держат путь в ночной тени.
Вот раздался крик ужасный,
Сразу в душу он проник,
Услыхал один и тут же
Побежал стремглав на крик.
А телеги с громким стуком
Повернули быстро вспять,
Подкатили к темной чаще
И пропали в ней опять.

Шум и гам кругом поднялся.
Всполошились все в ночи.
«Мигедер ограблен!» — кто-то,
Разрывая тьму, кричит.
Задыхаясь, к Туригасу
Люди толпами бегут.
— Что случилось? Что случилось? —
Друг ко другу пристают.
«Мигедера обокрали,
Все забрали со двора!
Бога ведь не побоялись,
Провалиться бы ворам!
Да зарезали обоих
Мигедера-то с женой!
А работников сначала
Опоили водкой злой.
Хоть Сетнер на крик старухи
Прибежать успел, но вор,
Окаянный, прямо в череп
И всадил ему топор!»

Мигедер убит. Богатство
Все забрали, не деля.
Бога ведь не побоялись,
Поглоти воров, земля!
И Сетнер погиб, бедняга,
Под злодейским топором,
Никогда в Сильби такого
Не знавал никто в былом.
Мигедера дочь не в силах
Плакать — слез Нарспи не льет;
В опустевшем отчем доме
Стала — с места не сойдет.

Но в груди кремневый жернов
Грузно вертится у ней;
А под ним немое сердце
Рвется все больней, больней...
Ах, как только боль прорвалась,
Так и рухнула Нарспи;
Лишь потом, придя в сознание,
Зарыдала средь избы:

«О родители, зачем вы
К жизни вызвали меня?
Показали свет — и вижу
Лишь страдания в мире я.
О мой бог, мой добрый пюлех,
Ты зачем мне душу дал,
Коль ни в чем бедняжке юной
Счастья — доли не послал?
О душа моя, за что же
Ты на казнь осуждена?
В целом мире оказалась
Лишней только ты одна...»
Так Нарспи, скорбя и плача,
К полевым воротам шла,
Вышла в поле и к долине
Конопляной побрела.
У людей, ее встречавших,
Грусть в глазах была видна.
О сегодняшних событиях
Толковали до темна.

На другое утро в поле
Хлебороб не выходил:
Помня пятницу ³⁵, чувашин

День свой празддно проводил.
Но девицы, как бывало,
Не посмели петь, играть.
Парни тоже не решились
На досуге поплясать.
Старики у переулка
Собрались: продать хотят
Мигедеров дом и тихо
Меж собой совет вершат.
Только нет Нарспи, послали
Верховых ее искать.
Все отправились убитых
В путь последний провожать.
Над могилою просторной
Насыпь свежая, как холм.
И Сетнер в гробу дубовом
Спит глубоким, вечным сном.

В полдень стали с удивленья
Все руками разводить:
Труп Нарспи нашли; не знают,
Как теперь и поступить.
Все гонцы одно и то же
Привезли, коней загнав:
Что в долине Конопляной
На ветле висит она...
Там же и похоронили
Под ветлой ее потом.
А могилу окружили
Из орешника плетнем.
Солнце село, ночь настала,
Всюду спит чувашский люд;

Заалел восток — он снова
Принимается за труд.
Для Нарспи же нашей бедной
Навсегда настала ночь.
Лишь в гробу, навеки темном,
Скорбь дано ей превозмочь.

Так судьба ее сложилась.
Так Нарспи средь мук и бед,
Жертвой став суровых нравов,
Умерла во цвете лет.
Приоткрыл ей пюлех щедрый
Мир без края, без конца.
Стала девушкой пригожей
В ласках матери, отца.
Милость пюлеха разумной,
Доброй сделала ее,
А родительская воля
Стала петлей для нее.
В тесный гроб легла, оставив
Славу честную свою.
Песни грустные сложила,
Все их помнят и поют.
И поныне сильбияне
Суховейною порой
Поливают дерн над нею
Родниковую водой.

КОММЕНТАРИИ К ПОЭМЕ

¹ Великий калам — весенний праздник язычников-чуваши, совпавший после перехода в христианство с пасхой; проводился в течение семи дней (от среды до среды).

² Уйран — пахтанье.

³ Шелдгеме — женское нагрудное украшение, расшитое бисером, увешанное монетами и ужовкой.

⁴ Теветь — название женского убора — широкой полотняной ленты, покрытой кумачом, нашитой монетами разного достоинства и нухратками, расшитой разноцветным бисером.

⁵ Пес стальной с хвостом кудельным — иголка с ниткой (чув. загадка).

⁶ Урмах — аргамах, отличный конь; в поэзии — сказочный крылатый конь.

⁷ Туригас — название улицы в нагорной, верхней части деревни, аналогичное русским названиям Нагорная, Верхорядье.

⁸ Синзе — весенний праздник язычников-чуваши, установленный в почитание плодородия земли. В этот праздник запрещались всякие земляные работы.

⁹ Симек — праздник почитания умерших предков, совпавший впоследствии с христианской троицей; в неделю симек обычно устраивались свадьбы.

¹⁰ Тухья — девичий шлемообразный головной убор, расшитый бисером и увешанный мелкими серебряными монетами.

¹¹ Покрывало — непременная принадлежность одевания невесты на старинной чувашской свадьбе, особенно при исполнении невестой обрядового «плача невесты».

¹² Шибыр — род волыни (музыкальный инструмент из телячьей шкуры или бычьего пузыря).

¹³ Летник — неугепленная лачуга, служащая для варки пива и приготовления пищи в летнее время.

¹⁴ Чирес — род посуды, кадочка выдолбленного ствола липы, реже — осины, служащая для хранения меда, молочных продуктов, разливки пива, квашения теста и т. п.

¹⁵ Встать на лемех (или на любой другой железный предмет) — оградить себя предметом с магическим свойством.

¹⁶ Пюлех — один из верховых божеств язычников чуваш, определитель человеческой судьбы, раздатель жребий.

¹⁷ Ерех — злой божок, насылающий хворь.

¹⁸ Киреметь — коварный, злой дух, насылающий болезни и всякие иные бедствия; также — местопребывание этих духов.

¹⁹ Улап — исполин, добрый великан; персонаж чувашского фольклора.

²⁰ То й — свадьба, праздник.

²¹ Та к а к — род частушки; здесь — торжественная высокопоэтическая речь посаженного, обычно произносимая с артистическим блеском.

²² Ударами плетей по воротам изгонялись, якобы, по языческому поверию, злые духи для предотвращения несчастья.

²³ В ы й г и л л и — один из свадебных обрядов.

²⁴ Х у ш п у — головной убор замужних женщин, в форме усеченного конуса, унизанный серебряными монетами и расшитый разноцветным бисером.

²⁵ Обряд с водой состоял в следующем: наутро после свадьбы невеста с одной из золовок шла к колодцу или роднику за водой. Ведра на коромысле несла золовка. У родника золовка ставила ведра на землю и наполняла их водой. Подняв ведра на коромысле, невеста оборачивалась к солнцу и трижды кланялась с приседанием. По пути домой она обращалась ко всем встречным и трижды кланялась с приседанием (делала реверанс). Встречные отвечали молодой приветствием: «Будь знатным (именитым) человеком!» При входе во двор, а затем в избе, новобрачная снова трижды кланялась с приседанием. Свекорь и свекровь, сидя, отвечали ей приветствием: «Будь знатным человеком!» Наконец молодка ставила ведра на место и вместе с золовкой принималась стирать и варить салму (род клецек). Так происходило в старинной чувашской деревне знакомство с новобрачной.

²⁶ Б а б к а Ш а б а д а н (Ажабатман) — злая старуха-колдунья, персонаж чувашской мифологии.

²⁷ Б р о н з о в ы й п у г а н — изваяние злого божества, идол, истукан.

²⁸ В а р и с ь в а д у — преисподняя в представлении язычников-чуваш была полна котлов с кипящим варом (смолой), где варятся грешники.

²⁹ А р з ю р и — лесные духи, гномы; полулюноши-полу-девы.

³⁰ П и р е ш т и — добрый дух-хранитель, представление о котором совпало впоследствии с образом христианского ангела.

³¹ Х а р б а н (хрбан) — названия языческих добрых божеств.

³² С и н е е н е б о , я с н о е с о л н ц е — названия языческих божеств.

³³ И и ! — протяжное восклицание в данном случае выражает полное разочарование, то же, что и русское «ахти!».

³⁴ Ы ы х ! — протяжное восклицание; выражает крайнее негодование.

³⁵ В дохристианские века пятница была у чуваш-язычников праздничным днем недели.

СОДЕРЖАНИЕ

В селе Сильби	5
Красная девица	13
Вечер перед симеком	21
Свадьба	31
У знахаря	37
Побег	43
Две свадьбы	51
В Хужалге	59
После симека	67
Преступление Нарспи	73
В Сильби	83
В лесу	87
Отец и мать	93
Четыре смерти	103
Комментарии к поэме	110

Константин Васильевич Иванов НАРСПИ

Поэма

Перевод с чувашского П. П. Хузангая
Худ. оформление П. В. Сизова
Редактор Г. Ф. Трофимов
Художественный редактор М. А. Ильин
Технический редактор В. И. Павлова
Корректор В. П. Герасимова

Сдано в набор 14/IX-1967 г. Подписано
к печати 15-II-1968 г. Изд. № 15. Формат 70×90 1/16.
Физич. печ. л. 7. Условн. печ. л. 8,19. Учетно-изд.
лист 4,08. Заказ 4964. Тираж 8 000 экз. Цена 42 коп.

Чувашкнигоиздат, Чебоксары, пр. Ленина, 4
Типография № 1 Управления по печати
при Совете Министров ЧАССР
Чебоксары, Володарского, 5.

